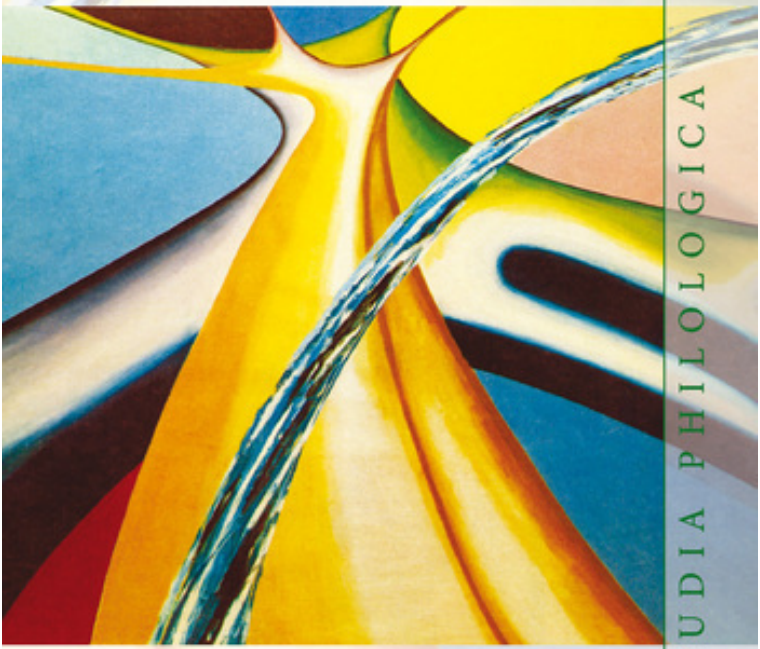
И. Б. Шатуновский

ПРОБЛЕМЫ РУССКОГО ВИДА



STUDIA PHILOLOGICA

Илья Борисович Шатуновский
Проблемы русского вида

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=454545
Проблемы русского вида. : Языки славянских культур; Москва; 2009
ISBN 978-5-9551-0357-0

Аннотация

В монографии представлено целостное семантико-прагматическое описание категории вида – философски и прагматически наиболее значимой категории русской грамматики, отражающей наиболее кардинальные аспекты устройства мира и его отражения и интерпретации в уме человека, говорящего и мыслящего на русском языке. Особое внимание уделено выявлению и описанию инвариантных (прототипических) значений совершенного и несовершенного видов и их мотивационных связей с частными значениями видов. Рассмотрены во взаимной связи и обусловленности все основные значения и типизированные употребления совершенного и несовершенного видов, составляющие в совокупности видовую систему, исследована взаимосвязь и взаимная обусловленность всех основных содержательных аспектов видовых форм: собственно семантики, прагматики, функции в дискурсе, коммуникативной функции, актуального членения

(коммуникативной перспективы) и референции видовых форм, включающих их глагольных групп и высказываний в целом.

Содержание

Введение 5
Глава 1 23
Глава 2 59
Конец ознакомительного фрагмента. 61

Илья Борисович Шатуновский
Проблемы русского вида

Введение

1. Вступление. Проблемам русского вида посвящено огромное количество работ, и это неудивительно. Категория вида – это центральная, системообразующая категория русской грамматики, чрезвычайно сложная, иерархически построенная, с огромных количеством аспектуально значимых категорий различного объема и уровня, одной стороной погруженная в грамматику, с ее строгим порядком и гармонией, а с другой – в лексику [Плунгян 2000: 293–294; Перцов 2001, 6.2.3], с ее относительным хаосом, и через все более мелкие и дробные аспектуальные группы и особенности отдельных лексем растворяющаяся в ней. Хаос, царящий в этой области, усугубляется тем, что область вида находится в настоящее время в процессе чрезвычайно быстрых, по историческим меркам, и при этом противоположно направленных изменений. Это, с одной стороны, всё возрастающая продуктивность вторичных имперфективов [Ремчукова 2004], специализирующихся в большей мере на выраже-

нии повторяющихся, кратных действий [Апресян 1995: 112], так что сквозь двухчленную категорию начинает брезжить формирующаяся трехчленная. С другой стороны – все новые и новые вливания заимствуемых из языков среднеевропейского стандарта двувидовых, то есть фактически лишенных категории вида, глаголов, постепенно «перевариваемых» системой, причем неизвестно, что идет с большей скоростью: переваривание или вливание. Категория вида – это также философски наиболее значимая категория русской грамматики, поскольку она отражает наиболее кардинальные аспекты устройства мира и его отражения и интерпретации в уме человека. Картина мира в русском языке представлена прежде всего через призму видовой системы. Это также категория, в наибольшей степени связанная с жизнью и деятельностью человека, устройство которой невозможно понять вне связи с прагматикой ее употребления. И чем дальше продвигаются исследования вида, тем больше открывается новых проблем, которые и не снились тем, кто стоял у истоков его изучения. Это можно сравнить с подъемом на гору, образованную нашими знаниями: чем больше мы знаем, чем выше мы поднимаемся, тем дальше раздвигается горизонт неведомого и, в конечном счете, непостижимого. Но это не является основанием отказаться от подъема.

2. Маркированность. В бинарной оппозиции совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) вида, если взять ее в целом, с семантико-функциональной, не формальной, точ-

ки зрения маркированным членом (в целом ряде отношений) является СВ [см. Маслов 1984: 72; Бондарко 1971: 20; Forsyth 1970: 6; и др.]. Прежде всего, СВ обладает узким, четким и фактически одним (единым) значением [Маслов 1984: 73], в отличие от НСВ, выражающего целый ряд весьма различных, хотя и связанных друг с другом, значений[1]. «Как «экстенсивный»» член видового противопоставления НСВ обладает более широким семантическим спектром и соответственно – тремя более или менее равноценными центральными значениями, причем в каждом значении есть еще дополнительные варианты» [Маслов 1984: 73]. Этот факт затушевывается в существующих описаниях тем, что у СВ, как и у НСВ, также выделяется ряд «частных значений» (конкретно-фактическое, перфектное, суммарное, потенциальное, условное и т. д.). Однако степень «выделенности», весомости различных значений СВ несоизмерима с различиями в значениях НСВ; в случае НСВ часто нелегко увидеть связь между значениями, и само наличие этой связи в ряде случаев дискуссионно [Гловинская 1982: 14]; в то же время в случае СВ собственно значение видовой формы во всех употреблениях остается неизменным [Маслов 1984: 73], и различия между различными «значениями» (здесь лучше сказать «типами употребления») СВ сводятся к разнице в ак-

---

[1] В отличие от СВ, отмечает М. Я. Гловинская, у несовершенного вида «есть не одно, а несколько непериферийных значений, учитываемых аспектологией» [1982: 14].

туальном членении (коммуникативной перспективе) этого единого значения или наличию каких-то внешних контекстуальных или ситуативных факторов, извне добавляющих нечто в общее значение высказывания. Казалось бы, это облегчает задачу практического изучения видов: достаточно научиться употреблению узкого, четкого СВ и употреблять для выражения остальных значений НСВ. Ситуация, однако, осложняется тем, что, тем не менее, надо еще знать, каковы эти «остальные значения», выражаемые НСВ; ведь НСВ не выражает всё на свете. Типовые грамматические значения в разных языках не совпадают, поэтому без изучения и описания значений НСВ не обойтись.

Маркирован СВ и в том отношении, что он в едином значении, в одном и том же употреблении имеет все признаки, связанные в жесткий взаимообусловленный «пучок», по которым он противопоставлен НСВ: это (забегая вперед и упрощая) то, что он обозначает (1) единичное (2) определенное [Leinonen 1982, 3.5; Dickey 2000: 19–23; 2006: 15; Падучева 1996: 87; и др.] (3) событие (=переход из одного положения вещей в другое) [см. Маслов 1984: 72–73; ср. Падучева 1996: 87], в то время как значения НСВ «разведены» по разным употреблениям и контекстам.

Наконец, СВ маркирован также в том отношении, что его значение чрезвычайно «прочно», жестко, оно практически не поддается воздействию ситуации и контекста. В то же время значение и значения НСВ чрезвычайно восприимчи-

вы к воздействию прагматических, ситуативных, контекстуальных лексических и грамматических факторов. Значение НСВ изменчиво, оно приспосабливается к контексту, поэтому значения НСВ более «размыты», диффузны, включают много типов, подтипов и переходных случаев.

3. Вопрос о видовой парности. Внутри гнезда однокоренных глаголов среди глаголов, соотносительных по виду, выделяются пары, связанные более тесными отношениями – видовые, или чистовидовые пары. В качестве критерия выделения чистовидовых пар часто рассматривается тождество лексических значений: «Видовая пара – это пара лексически тождественных глаголов сов. и несов. вида, различающихся между собой только грамматической семантикой вида» [Русская грамматика 1980, т. I, § 1387; см. также Грамматика русского языка 1952, § 688; Тихонов 1998: 10; Гуревич 1998: 25; Маслов 1984: 53; Шелякин 1983; и мн. др.]. Если принимать это определение буквально, большинство глаголов окажутся непарными, и сама идея парности потеряет всякий смысл. Ведь вид в целом номинативная (отражающая объективную действительность), семантически наполненная категория, поэтому парными окажутся только некоторые глаголы С В и НСВ в значениях, в которых последние выступают в позициях нейтрализации видового противопоставления (конкуренции видов в широком смысле) – в наст. историческом, в некоторых общефактических употреблениях и в некоторых других случаях, да и то при условии, что мы

не будем рассматривать их значения слишком пристально. Как отмечает М. Я. Гловинская, «конкурирующие» в таких случаях «значения, как бы близки они ни были друг другу, не являются полностью синонимичными» [2001: 149]. (Поэтому лучше говорить осторожнее – о значительной семантической общности соотносительных по виду глаголов [Зализняк, Шмелев 2000: 45].) Поэтому определение парности часто трансформируется таким образом, что в качестве ее критерия принимается тождество лексических значений за вычетом собственно видовых значений СВ и НСВ соответственно. Так, авторы «Русской грамматики» 1980 г. в примечании переходят на эти позиции: «В дальнейшем изложении под ««тождеством лексических значений» глаголов, входящих в видовую пару, понимается тождество всех их семантических компонентов, кроме значения вида» (§ 1387). Однако здесь мы сразу же упираемся в вопрос, каково же то «видовое» или «чистовидовое значение», которым различаются видовые пары. Кроме того, разные частные значения НСВ по-разному тождественны СВ. Ср. значения актуально-длительного предельного НСВ *(наливает, открывает* «'находится в процессе открывания') и событийного (настоящего динамического) НСВ *(открывает бутылку, наливает воду в стакан)* с значением СВ *открыл, налил.* Во втором случае очевидно «более тождественно». Проблема в том, что вид в русском языке – размытая, недостаточно грамматикализованная категория, весьма неоднородная в формальном

и семантико-функциональном отношении. Существует много различных типов противопоставлений СВ и НСВ (к этому очевидному факту привлек внимание Ю. С. Маслов [Маслов 1984]); собственно, любая сколько-нибудь обобщающая и при этом не совершенно абстрактная работа по виду содержит описание различных типов видовых противопоставлений, см., например, [Маслов 1984; Авилова 1976; Гловинская 1982; 2001; Падучева 1996; и др.]. Так какое / какие из них и почему являются чисто видовыми? Заметим сразу, что как только мы соглашаемся с тем, что существует много различных типов противопоставлений СВ и НСВ (а не согласиться с этим невозможно), то поиски чистовидовой пары или пар вообще (для глаголов в целом, как лексем) сразу теряют всякий смысл. Непонятно, для чего тогда нужно в теории иметь чистовидовые пары. Для того, чтобы исключить все другие из рассмотрения? Но от этого они никуда из языка не исчезнут. Собственно, единственным универсальным критерием грамматичности является распространенность, регулярность и стандартность тех или иных формально-семантических противопоставлений. Чем более регулярно противопоставление, тем более оно грамматично[2].

---

[2] Так, в последние годы все большее распространение получает трактовка в качестве видовой пары соотношения «НСВ – ограничительный (делимитативный) СВ» *(читать – почитать)* [Черткова 1996; Петрухина 2000: 187–190; D1ckey 2006; и др.] при том, что единственным изменением, которое произошло с момента, когда они не считались парой, – это все возрастающая буквально по годам продуктивность образования делимитативных глаголов и, соответственно, регу-

В виде все недостаточно регулярно (оттого-то он так труден для изучения), в нем много разных групп, противопоставлений, соотношений, по разным параметрам и аспектам, в разных комбинациях друг с другом, одни более регулярные и стандартизованные, другие менее регулярные и стандартные. В области вида (как и везде в языке, но в области русского вида особенно) грамматичность – это вопрос степени. Любое проведение границ здесь будет произвольно и условно. Поэтому не стоит делать теоретическую проблему из проведения границ, в принципе необходимо изучать и учитывать всё. На практике, конечно, исследуются и в данной работе будут исследоваться прежде всего наиболее регулярные и распространенные формально-семантические соотношения и противопоставления, однако не по каким-либо принципиальным теоретическим соображениям, а по чисто прагматическим причинам ограничений времени и места и наибольшей важности для описания системы языка и его практического изучения распространенных, регулярных противопоставлений. Наиболее регулярным и распространенным является соотношение по признаку однократность (СВ) – неоднократность (многократность) (НСВ), называемое Е. В. Падучевой [1996: 89] и вслед за ней в [Зализняк, Шмелев 2000: 46] «тривиальным» *(посетить – посещать)*[3]

лярность этого соотношения.

[3] *Тривиальным* это соотношение и многократное значение НСВ названо на том основании, что оно «есть у всех глаголов НСВ, входящих в видовую пару» [Падучева 1996: 89]. Заметим, что здесь есть круг, поскольку в качестве критерия

(противопоставление в плане «количественной аспектуальности» [Плунгян 2000: 294–296]). Чрезвычайно распространенным и регулярным, хотя и охватывающим меньшее число пар, чем соотношение по признаку однократности – многократности, является противопоставление СВ, обозначающего «событие»[4], включающего некоторую однородную, длящуюся фазу, и НСВ, обозначающего эту фазу в ее «протекании» (противопоставление в плане «линейной аспектуальности» [Плунгян 2000: 296–303]). Оно также является наиболее лингвоспецифичным и в этом смысле наиболее «нетривиальным» и поэтому наиболее практически важным и теоретически интересным. Кроме того, когда говорят об инварианте видового противопоставления, имеют в виду и исследуют именно это противопоставление. Ср. замечание А. В. Бондарко: «В русском и других славянских языках лимитативность занимает центральное положение среди других аспектуальных полей» [Теория 1987: 53]. Традиционно именно это соотношение принимается как основа парности по виду. Здесь, в свою очередь, существуют разные типы (подтипы) этого противопоставления [Авилова 1976; Гловинская 2001; 1982; и др.], весьма регулярные, менее регулярные и совсем нерегулярные, наблюдающиеся в отдельных парах

видовой парности глаголов СВ и НСВ в работе рассматривается наличие между ними данного соотношения (там же).

[4] Мы будем употреблять термин «событие» как (весьма неточный) «ярлык», указывающий на инвариантное значение СВ; более подробное рассмотрение инвариантного значения СВ и этого термина см. далее.

лексем, – нетривиальные, см. [Булыгина, Шмелев 1997: 151–166]). При этом в сколько-нибудь полном описании в ряду типов (подтипов) этого противопоставления необходимо учитывать весьма регулярные, распространенные и демонстрирующие возрастающую продуктивность противопоставления «НСВ – начинательные СВ» и «НСВ – ограничительные СВ». Весьма регулярными и (поэтому) важными являются противопоставления конкретно-фактического СВ и общефактического НСВ, СВ и НСВ настоящего исторического (точнее говоря, НСВ более общего типа, который мы будем называть настоящим динамическим, разновидностью которого являются настоящее историческое, настоящее репортажное и т. д.). (Другие типы противопоставлений уже существенно менее регулярны.) Для интуитивного ощущения видовой парности важным также является совмещение различных типов видовых противопоставлений (частных значений) в одном формальном противопоставлении. Как отмечает Е. В. Падучева, традиционно, «хотя, быть может, и не вполне осознанно, для глаголов, входящих в семантическое отношение «процесс в развитии – процесс, достигший предела», видовая соотнесенность признается в том случае, если эти глаголы могут функционировать и как тривиальная пара» [1996: 89]. Чем в большем числе грамматических частных значений НСВ соотносительны формы СВ и НСВ, тем в большей степени (и именно в этом совершенно ясном смысле) они являются парами и ощущаются как «па-

ры» (например, *открыть – открывать* противопоставляются в значениях «действие – событие (результат этого действия)», «однократное – неоднократное (многократное) событие», «единичное определенное действие – неопределенное действие (общефактическое значение НСВ)», «событие в прошлом – событие, протекающее в настоящем (наст. динамическое НСВ)». Поэтому они в большей степени «пара», чем *начать – начинать,* в которой С В противопоставлен настоящему динамическому НСВ и многократному НСВ или *лечить – вылечить,* соотносительные только в одном регулярном противопоставлении: «действие – событие, произошедшее в результате этого действия»; «тривиальное» противопоставление единичного – многократного «события» выражается здесь другой парой: *вылечить – вылечивать.* Однако нет никакого смысла на этом основании не считать *лечить – вылечить* видовой парой: в любом случае, как ее ни назови, соотношение здесь такое же, как в паре *открывать – открыть* (например, окно), с тем экстралингвистическим отличием, что результат в последнем случае обычно достигается гораздо проще и чаще, чем в ситуациях, обозначаемых парой *лечить – вылечить.*

При этом один и тот же глагол может входить в разные видовые противопоставления и образовывать разные пары с разными глаголами [Падучева 1996: 88–89]. Так, актуально-длительное (но состоящее из многих актов, многоактное) НСВ *стучать* с одной стороны противопоставлено одно-

кратному СВ *стукнуть,* а с другой стороны – ограничительному СВ *постучать;* только с ограничительным СВ соотносителен НСВ в общефактическом значении: *Давай ещё постучим, – предложил Матвей, – Лариса в долг одну даст. – Стучали уже, – ответил Семен* (В. Пелевин. Музыка со столба).

В последние годы получили популярность формальные, операционные критерии парности, сводящиеся к возможности или необходимости замены СВ НСВ в некоторых позициях [Маслов 1984: 66–67; Forsyth 1970; Булыгина, Шмелев 1997: 151; Зализняк, Шмелев 2000; Гуревич 1998: 25; и др.] (замена СВ прош. врем. на НСВ при переводе повествования в наст. историческое (критерий Маслова), возможность (почти) синонимичной замены видов у некоторых глаголов в некоторых случаях в некоторых ситуациях в императиве и при отрицании и т. д.). При всей эвристической и доказательной значимости подобных операций не следует преувеличивать их значение. Разумеется, возможность замены говорит о функционально-семантической близости (но даже не тождестве!) этих форм в этом противопоставлении в данном контексте, но не более того. Однако семантическая близость или даже семантическое тождество в данном противопоставлении в данном контексте не говорит ничего и не гарантирует парность в другом или других противопоставлениях, тем более некоей фиктивной парности «вообще». Вообще странно, что Ю. С. Маслов, который в своей известной

статье как раз и начал с разнообразия типов видовых пар, затем, не удержавшись, «съехал» на противоположную точку зрения и постарался найти единый и единственно верный критерий парности. Дж. Форсайт на основании того, что *искать* не употребляется как многократный результативный, выступает против того, что он парный к *найти,* считая это распространенным «заблуждением» (fallacy) [Forsyth 1970: 50]. Однако отсутствие у *искать* многократного результативного значения никак не отменяет того, что *искать* соотносится с *найти* так же, как *ловить* с *поймать* и мн. др. парами, и в этом смысле они являются парными. Кроме того, возможность замены СВ на НСВ и наоборот является интуитивно очевидной только для носителей языка. С точки зрения практических потребностей обучения языку и собственно с теоретической точки зрения наибольший интерес представляет как раз противоположная проблема: как, исходя из значения глагола (глаголов), определить, можно ли его заменить в данной позиции глаголом противоположного вида, какие отличия при этом имеют место и почему. Кроме того, обратим внимание на очевидный факт: возможность или необходимость замены в некоторых случаях отнюдь не является правилом; напротив, правилом является несинонимичность видов, их принципиальное различие и, соответственно, невозможность замены в одном и том же контексте или вообще, или без принципиального изменения значения. Очень часто виды вступают в отношения своего рода анто-

нимии [Маслов 1984: 72]: *Мир ловил меня, но не поймал* (Г. Сковорода); *учил, да не выучил, сдавал, да не сдал* и огромное множество аналогичных случаев. Возможность замены связана с особыми случаями сближения видов, приводящими к их нейтрализации в некотором отношении и конкуренции видов [Маслов 1984: 72]; как, на наш взгляд, совершенно справедливо отмечает Е. В. Падучева, «употребление видов в контексте нейтрализации, равно как и тождество видовых форм в таких позициях, составляет отдельную проблему» [Падучева 1996: 90].

Таким образом, под видовой парой мы будем понимать пару глаголов НСВ и СВ в каком-то отдельном значении (грамматическом, видовом, ну, и само собой разумеется, лексическом), связанных регулярным соотношением и более или менее близких по значению.

4. Оценка языкового материала. Чем в большей степени мы углубляемся в языковой материал и чем более тонкие и сложные вопросы рассматриваем, тем чаще нам не хватает однозначных оценок «правильно» – «неправильно», и тем в большей степени становятся необходимы оценки «хорошо», «плохо», «хуже» и «лучше». Вместо только черного и белого возникают полутона, степени правильности и приемлемости. (При этом зафиксированность примера сама по себе не говорит о том, что он правилен (см. дискуссию об этом в [Шмелев 2002: 283–286]). Так, посол России в ООН Виталий Чуркин в выступлении на заседании Совета Безопасности ска-

зал: *Грузия продолжает вероломное нападение на Южную Осетию* (ТВ, 8.08.08). Тем не менее, это неправильно, хотя и понятно.) Главная причина этого в том, что язык вешает свои «вешки» – слова и грамматические значения – на бесконечном континууме реальности и между ними всегда провалы (в языке, но не в реальности), и когда надо об этом как-то сказать, говорящие «растягивают» и «сдвигают» имеющиеся значения. Иногда что-то вообще нельзя выразить правильно. Ср. высказывание в устной разговорной речи: *Обычно она* (картошка) *в это время* (через 30 минут варки)*уже – сваривается;* с СВ еще хуже: *…уже *сварится).* Здесь *сваривается* не совсем правильно (в словарях не зафиксировано и интуитивно слово «корявое», непривычное, не обтесанное употреблением), но здесь должен быть употреблен НСВ, и в этом смысле правильно, вновь образованное слово соответствует продуктивной модели образования НСВ, и в этом смысле также правильно! Так сказать, правильность 95 %. В бесконечном океане употреблений есть ядро, прототипические случаи, которые звучат безупречно, и есть «натяжки» в речи, некоторая вольность, небрежность, та прекрасная свобода, с которой говорящие в ла – деют (точное слово!) своим родным языком. Насколько свободно и неправильно говорят и пишут в ситуациях непринужденного, неформального общения носители языка, стало особенно ясно в связи с пришествием Интернета, корпусов данных и автоматизированных поисковых систем. Именно легкие неправильности

делают язык живым, язык растет и развивается через вывихи и растяжения, которым его постоянно подвергают говорящие и пишущие.

Другая сторона проблемы – это субъективность оценки приемлемости тех или иных примеров. При этом расхождение в оценке правильности конструкции зависит не только от языкового опыта и компетенции, но также от нашего воображения, от того, насколько мы способны домыслить контекст, который делает предложение правильным. Не спасает и «объективизация» путем опроса информантов. 10 человек скажут, что так нельзя сказать, а если мы спросим 11-го, то он скажет – можно. И с этим ничего нельзя поделать. Это та расплывчатая объективно-субъективная реальность языка, с которой приходится мириться и считаться.

5. Значение и употребление. Обогащение признаками денотативных ситуаций. Чрезвычайно важный момент, который постоянно надо иметь в виду, это то, что язык «сросся» с жизнью, с употреблением в различных жизненных ситуациях. Значение невозможно отделить от употребления. Значение возникает в результате взаимодействия жизни и языка. Является ли что-то значением – это вопрос степени. Значение – это в высшей степени конвенционализованное употребление. Если нечто ассоциируется со словом в 100 % его употреблений, то это, несомненно, значение. А если в 99 %? В 80? А если просто часто, но не всегда? Неправильно было бы это просто отбросить, потому что

это хотя и вероятностная, но, тем не менее, информация. Семантика слова не делится на четкие значения, как это, может быть, хотелось бы лексикографам, то, что выделяется в качестве значений, – это, скорее, сгущения в континууме употреблений, о которых как о значении слова говорил Витгенштейн [1994] – Это обстоятельство начинает постепенно учитываться в лексикографической практике, так, в современных толковых словарях английского языка для таких случаев используются толкования через ***usually, often*** и т. п. Напр.: ***leap*** – «to jump through the air, often landing in a different place» [Longman 1989].

«Проникновение» особенностей употребления в значение описано для имен существительных под названием «обогащение признаками денотата» [Арутюнова 1976: 337; Шатуновский 1983]. Так, *офицер* – это 'тот, кто служит в армии или на флоте и относится к командному составу' – ничего более для приложения этого слова к объекту не нужно. Однако какие-то типичные, хотя и не обязательные, признаки денотативного класса офицеров – смелость, военная выправка, приверженность специфическому кодексу чести и т. п. – начинают (в большей или меньшей степени) ассоциироваться с этим словом, входя тем самым в какой-то степени в его значение и определяя его языковое поведение: *Ах, какой был мужчина! Настоящий полковник!* (из песни А. Пугачевой). Однако не в меньшей степени подобное «проникновение» характерно для глаголов. Во многих случаях типичные при-

знаки денотативных ситуаций – признаки объектов, участвующих в данных ситуациях, прагматические характеристики самих этих ситуаций, их предпосылки и / или последствия и т. д., и т. п. – втягиваются в значение, конвенционализуются, начинают в большей или меньшей степени ассоциироваться с глаголами и их аспектуально значимыми группами. Непрерывное взаимодействие, смешение языка и жизни в пункте употребления видовых форм ставит задачу разграничения того, что идет от жизни, и того, что идет от языка, при ясном понимании того, что окончательно и однозначно разделить язык и жизнь невозможно.

Глава 1
Проблема инварианта

1. Вступительные замечания. Вследствие неравноправности оппозиции СВ – НСВ – наличия единого, «жесткого», относительно четкого значения у С В и целого комплекса достаточно размытых, с переходными «зонами» между ними значений у НСВ – задача нахождения инварианта и сам этот «искомый» инвариант предстает в разном виде для СВ и НСВ. СВ как маркированный член оппозиции имеет четкое, резко выраженное семантическое «ядро», присутствующее во всех его частных типах и подтипах, которое и может быть в силу этого названо инвариантным; если здесь и есть исключения, то это именно исключения, и в той мере, в какой некоторое употребление отклоняется от инварианта, оно в той же мере уже и не является СВ, это, так сказать, этимологически СВ, но уже не совсем СВ с синхронной точки зрения. Что же касается НСВ, то здесь говорить о едином общем компоненте для всех его частных значений и употреблений было бы натяжкой. Здесь следует иметь в виду следующее. **(1)** Значения НСВ представляют собой категорию, основывающуюся на «семейных сходствах», в которой все члены связаны друг с другом, но не непосредственно, через наличие общего компонента, но для многих членов опо-

средованно, так что какие-то из них, удаленные друг от друга в «гнезде значений» могут не иметь ничего общего. В то же время в этой «семье» значений НСВ имеется основное значение, мотивирующее в конечном итоге все остальные. **(2)** Единое в своей основе значение СВ в противопоставлении разным частным значениям НСВ «поворачивается» разными гранями, аспектами; при этом функционально основным может становиться не инвариантное значение СВ, но некоторый другой аспект, компонент его семантики (например, в противопоставлении конкретно-фактического СВ и некоторых разновидностей общефактического НСВ). То же касается противопоставлений в различных грамматических позициях, например, в будущем времени, в императиве, при выражении повторяющегося действия и т. д.

Основным, первичным, семантически и логически исходным значением НСВ является «процессное» значение (будем пока называть его так). «… Процессное значение должно быть поставлено во главе всех остальных как наиболее специфическое: только в этом значении не совершенный вид абсолютно не заменим совершенным» [Маслов 1984: 74]. Поэтому мы начнем наше путешествие по виду с этого значения. Поскольку НСВ и СВ противопоставлены и обуславливают друг друга, определяя и характеризуя то или иное значение НСВ, надо всегда иметь в виду и сопоставлять его с СВ, и наоборот. Но хотя они существуют в системе только вместе, мы не можем говорить сразу, одновременно, и об СВ,

и о НСВ. Поэтому мы будем двигаться циркулярно, точнее, по спирали, переходя от НСВ к СВ и возвращаясь на новом уровне опять к НСВ и т. д., в каждом конкретном случае так, как это удобнее для описания.

Прежде чем приступить к рассмотрению значений СВ и НСВ в их наиболее контрастном и лингвоспецифичном противопоставлении, необходимо решить одну понятийно-терминологическую проблему, заключающуюся в отсутствии общего термина и соответствующего абстрактного понятия для обобщенного значения НСВ, фигурирующего в этом противопоставлении, значения, разновидностями которого являются традиционно выделяемые частные значения НСВ (актуально-длительное, конкретно-процессное, континуальное, постоянно-непрерывное и т. д.), на определенном, необходимом в данном случае уровне абстракции одинаково противопоставленные СВ. В работе [Падучева 1996] эти значения объединяются под общим заголовком *Группа* ***1*** [с. 10]. Однако хочется иметь более мотивированное обозначение. Будем называть это обобщенное значение неопределенно-длительным значением (сокращенно НД НСВ). Прототипической разновидностью этого значения является конкретно-процессное (или просто процессное) значение [Маслов 1984: 50; Бондарко 1971: 24]. Глагол в этом значении обозначает актуально происходящий процесс (собственно процесс или действие, которое также во вполне ясном смысле является процессом – процессом каузации каких-либо изме-

нений или других процессов): *Из крана течет вода; Иван бежит / пишет письмо; Когда я вошел, Иван писал письмо* и т. д. Более общей и более широкой разновидностью НД значения является актуально-длительное значение [Гловинская 1982: 14], частным случаем которого фактически является конкретно-процессное значение; актуально-длительное значение охватывает не только процессы и действия, но и актуальные состояния и отношения, т. е. то, что трудно назвать процессом: *Петя сидит на стуле/ присутствует/ находится сейчас на собрании; Белеет парус одинокий* и т. п.

2. Противопоставление НСВ и СВ. Противопоставление НСВ и СВ кодирует, фиксирует в языковой форме одно из онтологически наиболее важных противопоставлений непрерывно движущегося во времени мира, а именно, предварительно и упрощая: его статического и динамического аспектов, или, другими словами, неизменности и изменения[5].

Неопределенно-длительный НСВ обозначает одну и ту же ситуацию (далее сокращенно С), одно и то же (= неизменное) «положение вещей» (Р)[6]. (Ср. определение А. А. Барентсена: значение НСВ – «указание на одну ситуацию» [1978].)

---

[5] «Форма СВ всегда описывает ситуацию изменения, т. е. предполагает момент, когда некоторое положение вещей не имело места, и момент, когда имеет, или наоборот» [Падучева 1996: 24].

[6] Символом С здесь и далее мы обозначаем обобщенную ситуацию вообще, никак ее не характеризуя; символ Р более конкретен: Р обозначает позитивно охарактеризованное положение вещей, так что одна ситуация это Р ('Р имеет место'), и другая ситуация – не Р ('Р не имеет места').

Укажем особенности, предполагаемые этим кратким определением.

(1) Ситуация, обозначаемая НСВ, обязательно длящаяся, она не может быть «моментальной», она распространяется на какой-то интервал[7],[8]. Это и фактически, и логически так: ведь для того, чтобы сказать, что ситуация не изменилась, что это всё та же ситуация, мы должны сравнить хотя бы два последовательных временных среза, пункта, точки, в которых существует эта ситуация. Отсюда *длительный* в названии, ср. термин *актуально-длительное* значение М. Я. Гловинской, также отражающий эту особенность данного значения НСВ. Термин *конкретно-процессное* также отражает, хотя и в более завуалированной форме, эту особенность, поскольку процесс – это то, что однородно и длится, ср.: «… Под «процессом» мы понимаем длящуюся гомогенную ситуацию, состоящую из сменяющих друг друга фаз» [Зализняк, Шмелев 2000: 21].

(2) Ситуация должна длиться хотя бы какое-то время также и потому, что точка отсчета, которой в прототипическом случае настоящего времени является настоящее момента речи и сознания, также непрерывно движется во времени. Ситуация, обозначаемая НД НСВ, неопределенно про-

---

[7] «Форма НСВ описывает ситуацию в ее развитии во времени, т. е. как проходящую через ряд последовательных временных фаз» [Падучева 1996: 24].

[8] Отсюда, видимо, в противопоставлении «линейному» НСВ дается определение СВ как имеющего «точечное» значение – не совсем, впрочем, верное.

тягивается, распространяется по обе стороны от точки отсчета, которой в прототипическом случае является момент речи и сознания говорящего (Г), не имея ни начала, ни конца: '…..Р…..' (поэтому значение неопределенно-длительное). Это свойство также логически вытекает из неизменности денотативной ситуации: указание на начало или конец есть указание на отсутствие Р, т. е. некоторую иную, отличную ситуацию, то есть изменение, а это прерогатива СВ. Чтобы обозначать «одно и то же», НСВ должен представлять С как не имеющую ни начала, ни конца, неопределенно длящуюся. (Поэтому наиболее естественной и типичной формой НСВ является настоящее: настоящее человеческого сознания так же непрерывно длится, не имея ни начала, ни конца, хотя при этом его субъект знает, как и в случае с НСВ, что когда-то было начало и когда-нибудь будет конец.) *Я играю на гармошке у прохожих на виду* («Песенка крокодила Гены») – игра началась до того момента, когда об этом говорится, и закончится после, при этом начало и конец никак не обозначены, «тонут в тумане», остаются за пределами процесса, обозначенного НСВ. Аналогично, *Когда я вошел, он читал* – действие простирается неопределенно по обе стороны точки отсчета, образованного моментом моего входа. Ср. описание значения НСВ А. В. Исаченко: «Выражая процесс при помощи форм несов. вида…, говорящий находится как бы в потоке самого процесса. Он не видит ни его начала, ни конца…» [Исаченко 1960: 132]. Как представляется,

этот признак отражен также в образной форме в определении общего значения НСВ В. В. Виноградовым: «Обозначение действия в его течении, не стесненном мыслью о пределе процесса в целом, – основное, общее значение несовершенного вида» [Виноградов 1947: 498].

Вопрос, который возникает в связи с определением НСВ через неизменность: если этому определению безусловно соответствуют такие примеры, как *Петр сидит на скамейке/спит; Белеет парус одинокий* и т. д., то как же быть с большинством глаголов НСВ, описывающих именно изменение: *Петрова увядает* (Н. Заболоцкий); *Температура повышается; Иван пишет новый роман / поднимается по лестнице* и т. д.? Ведь подавляющее большинство глаголов, будь то СВ или НСВ, описывает именно изменение! Для того, чтобы разобраться с этим вопросом, мы должны иметь в виду, что вид – категория интерпретирующая, «субъективно-объективная» [Бондарко 1976; Маслов 1984: 6; Кошелев 1988; Барентсен 1995: 11], как, впрочем, и любая семантическая категория, любая семантическая система. Иными словами, употребление того или иного вида зависит не только от свойств объективной действительности, но и от ее интерпретации человеческим сознанием, от ее представления в языке, в ходе которого неизбежно происходит отвлечение от каких-то ее бесконечно разнообразных сторон, «искажение» и упрощение обозначаемого «фрагмента реальности». При этом роль интерпретации, абстрагирования и отвлече-

ния в общем случае больше в случае НСВ, этот вид в целом требует большей абстракции и сильнее «искажает» действительность. Ведь на самом деле все непрерывно изменяется, и если даже все остальное остается неизменным, то по крайней мере время беспрерывно становится «всё более поздним» и в каждый последующий момент другое! Поэтому употребление НСВ обусловлено отвлечением от имеющих место изменений. Если глагол НСВ обозначает изменение, то он изображает его в том аспекте, в котором это изменение неизменно. Он обозначает неизменное изменение (в фокусе значения – 'неизменное'). В этом смысле обозначают «одно и то же» все глаголы постепенного изменения, инхоативные: *слабеет, темнеет, растет, сохнет, увядает* и т. п., и каузативные: *пишет роман, строит дом, рисует картину,* а также *пьет пиво, ест кашу* и множество других.

СВ, в отличие от НСВ, изображает, образно говоря, «историю» мира (разумеется, не всего мира в целом, а какого-то его фрагмента, и не всю историю в целом, а какой-то ее «кусочек»), его диахронический аспект. Продолжающееся, «тянущееся» во времени положение вещей (ситуация) является одним и тем же, понимается как одно и то же постольку, поскольку оно не изменяется, и только до тех пор, пока оно не изменится. Когда происходит изменение, наступает «история», описываемая СВ.

Чтобы изобразить историю фрагмента мира, надо описать последовательно сменяющие друг друга различные «поло-

жения дел», сделать несколько последовательных «снимков» или «рисунков» изменяющегося «кусочка» действительности (как это делается при производстве кино– или мультфильма). Соединение этих «рисунков», «сцен» в значении СВ моделирует, отражает «историю» фрагмента мира. Таким образом, значение СВ представляет собой «цепочку», соединение, своего рода конъюнкцию пропозиций[9], описывающих последовательные «состояния» какого-либо фрагмента мира. Ср. определение инварианта СВ у А. А. Барентсена: СВ «указывает на то, что происходит смена ситуаций» [1973] – Соответственно, когда мы понимаем предложение с глаголом СВ, перед нашим «мысленным взором» проходит «история»: сначала мы видим одну ситуацию, затем на ее месте другую, затем, может быть, третью.

Минимум «сцен», способный представить «историю», – это 2 последовательные «сцены», ситуации. Инвариантное значение СВ можно представить следующим образом:

'C_1; затем C_2;…' ='$C_1 \rightarrow C_2$…' (C_2 после C_1).

Многоточие символизирует, что «цепочка» С может быть и более длинной. Среди естественноязыковых классификаторов ближе всего к выражению инвариантной «идеи» СВ имя *событие;* характерно, что английский эквивалент слова *событие – event* – образует «ядро» определения значения

---

[9] В случае внеконтекстного, словарного толкования точнее говорить о пропозициональных формах, = схемах пропозиций с незаполненными конкретными актантами валентностями глагола [Падучева 1985: 35].

СВ в работе Дж. Форсайта: «a perfective verb expresses the action as a total event summed up with the reference to a single specific juncture» [Forsyth 1970: 8] («глагол сов. вида выражает действие как целостное событие, относящееся к единичному конкретному моменту времени» (здесь и далее перевод наш. – *И.* Ш.))[10].

Примеры толкований: *Вася растолстел* = ‘Вася худой → Вася толстый’; *Вася умер* = ‘Вася жив → Вася мертв’ и т. д. Показательно, что именно через соединение пропозиций, описывающих последовательные положения вещей, описывается семантика глаголов СВ в работах, где ставится задача максимально эксплицитного толкования: *«Дождь кончился* = ‘В момент t_1 имел место дождь; в более поздний момент t_2 имело место отсутствие дождя» [Апресян 1980: 16; см. также ·995: 58–59]; «Белье высохло =… =‘В какой-то момент времени белье не сухое (влажное), в один из последующих моментов белье сухое’» [Гловинская 1982: 78]. Значение может состоять из трех последовательных «стадий». Весьма рас-

[10] Вместе с тем по целому ряду параметров значение слова *событие* конкретнее и уже той абстрактной грамматической идеи, которая выражается глаголами СВ. Так, события обычно рассматриваются как нечто спонтанное, не зависящее или не полностью зависящее от воли человека [Арутюнова 1988: 173; Радзиевская 1981: 15], они происходят в жизни людей и значительны по своему эффекту [Романова 1979: 153; Николаева 1980; Радзиевская 1981: 8; Арутюнова 1988: 171]. В дальнейшем мы будем использовать слово *событие* (в кавычках или без) в смысле «так сказать, событие» как номинализованный классификатор инвариантной идеи СВ (поскольку ближе к этой идее слова нет) с вычетом указанных компонентов значения этого слова.

пространенными типами «трехзвенных» СВ являются глаголы, у которых между исходной и конечной С располагается средняя, или «медиальная» фаза [Сильницкий 1983], представляющая процесс перехода от исходной к конечной С (инхоативные глаголы) или действие, каузирующее такой переход (результативные глаголы). Например: *Вася выкопал яму* = ‘Ямы нет → Вася копает → Яма есть’; *Сосулька растаяла* = ‘Сосулька есть → Сосулька тает → Сосульки нет’ и т. п.

Значение глагола НСВ также может быть связано в определенном смысле с «историей» [Арутюнова 1980: 219–222; Филлмор 1983: 86]. Однако между НСВ и СВ сохраняется принципиальное различие, которое коротко можно сформулировать так: СВ всегда о б о з н а ч а – е т «историю», НСВ иногда, хотя и очень часто, предполагает «историю». Глагол НСВ обозначает одно «положение вещей», одну «сцену», которая может быть, по логике самих вещей и тем самым по семантике глагола, связана с предшествующей и / или последующей ситуацией. При этом представление о последующей ситуации характеризуется ирреальной (гипотетической) модальностью, [ср. Кошелев 1988: 238–239; Сильницкий 1983: 60]; характерно также наличие условного компонента в толкованиях актуально-длительного значения НСВ: «… если процесс … не прекратится…, то в этот момент начнет существовать Р целиком» [Гловинская 2001: 97]; «В толкование акт. значения предельного глагола НСВ входит импликация: ситуация характеризуется как такая, которая, ес-

ли она не прекратится приведет к определенному итоговому состоянию» [Падучева 1996: 19–20].

3. Неизбежность упрощения. В связи с определением значений СВ и НСВ возникает ряд методологических проблем. Одни из этих проблем собственно языковые, они связаны с грамматическим устройством русского языка и особенностями метаязыка науки. Для метаязыка лингвистики характерно «переведение» всех изучаемых концептов в имена существительные, их номинализация – ведь без этого, согласно принципам любой грамматики, о них невозможно говорить. В то же время вид – это специфически глагольная категория, производные от глаголов имена существительные в целом не отражают видовых значений, СВ и НСВ в них сливаются (о реликтах аспектуальных различий в области имен см. [Гловинская 2001: 57–60; Чжан 2007]). Поэтому все ключевые для описания видовой семантики слова, такие как *изменение, смена (ситуаций), возникновение (новой ситуации)* и т. п., не различают значений СВ и НСВ и могут пониматься как в смысле СВ (события), так и в смысле НСВ (процесса). Поэтому мы не можем просто сказать, например, что СВ обозначает *изменение* или *возникновение* новой ситуации, но должны добавить «в смысле СВ», или, по крайней мере, подразумевать это. Можно также с помощью обычного приема лингвистов разграничить эти значения с помощью индексов: *изменение*$_1$ – в смысле СВ, *изменение*$_2$ – в смысле НСВ; при этом, разумеется, цифры не способны пролить какой-либо

свет на специфику этих значений.

Другая проблема имеет более глубокий характер. Какое бы определение значений СВ и НСВ мы ни взяли, оно всегда оказывается в какой-то степени односторонним, неполным и схематичным. Причина этого, очевидно, в том, что значения СВ и НСВ выражают базовые для русской языковой картины мира понятия, настолько специфические, что они не могут быть приравнены к каким-нибудь другим, более ясным и простым концептам. В конечном итоге, грамматическое значение вида гораздо обобщеннее и глубже, чем частные лексические значения отдельных слов, поэтому нужно искать другие средства, чтобы попытаться как-то отразить, изобразить общие значения СВ и НСВ. Поэтому значение видов может быть эксплицитно и более или менее недвусмысленно представлено только в развернутом, описательном виде, а также с помощью когнитивных средств другого рода, другого рода «материи», картинок и т. п., как это часто делается в когнитивной лингвистике. При этом картинки также не очень помогают, поскольку в употреблении видов огромную роль играют абстрагирование и интерпретация, которые имеют мысленный характер и не могут быть изображены. Заметим самокритично, что наше толкование-описание инварианта СВ, приведенное выше, также страдает упрощенностью и схематичностью[11]. Главный его недостаток заключа-

---

[11] Впрочем, видимо, это удел всех толкований и объяснений: никакое объяснение и толкование никогда не может быть тождественно значению того, что оно

ется в том, что значение СВ в этом описании расчленяется на отдельные последовательные ситуации, между которыми в толковании пропасть, перерыв. Такое толкование в полном смысле подходит к описанию СВ, обозначающих смену состояний, четко отделяющихся друг от друга—*Петр побывал в Англии; Орбита изменилась; Пошел дождь; Температура повысилась; Петя сильно похудел с того времени, когда я его видела последний раз.* Однако это описание слишком упрощает и тем самым искажает значение глаголов СВ, обозначающих «слитные», состоящие из множества не отделяющихся друг от друга фаз, действия и события: *Иван ударил Петра / поцеловал Машу; Петя упал / Маша покраснела;* и т. д. С когнитивной, психологической точки зрения значение таких глаголов образует целостный динамический образ, «гештальт» [см. Langacker 1987: 248; Dickey 2000: 36–37]. Тем не менее, и это уже нельзя никак показать, но можно только сказать, существенным с аспектуальной точки зрения в этом «гештальте» является то, что он объединяет различные, хотя и слитные, этапы в «движении» во времени фрагмента мира.

4. Различные определения значения СВ. Не все, однако, так грустно. Если, с одной стороны, все определения СВ отчасти неадекватны, то, с другой стороны, все они в каком-то аспекте, в каком-то приближении и правильны. В

толкует или объясняет, просто потому, что полного тождества различного не может быть по определению – иначе оно не было бы различным! Это всегда какое-то приближение. Задача – приблизиться как можно ближе.

разное время давались различные определения инвариантного семантического признака СВ (и, соответственно, в «отрицательной» форме – инварианта НСВ) – «законченность», «результативность», «точечность», «целостность» действия, «достижение действием предела», «наличие компонента ‘начало’» и т. д. Перечисленные определения указывают на одно и то же – инвариантное значение СВ – но с разных сторон. Они отличаются не денотативно, а сигнификативно (ведь, как известно, можно разными способами указать на один и тот же денотат). Недостаток этих определений в том, что они имеют недостаточно общий характер – «отражают» каждое какую-то одну сторону, один аспект инварианта СВ, более или менее существенный (и поэтому не могут быть в естественной форме приложены ко всем глаголам СВ), а также в том, что они недостаточно эксплицитны и удовлетворяют (если удовлетворяют) интуиции не столько за счет того, что говорится, сколько за счет того, что этим сказанным подразумевается. Разумеется, в значение каждого глагола входит компонент «законченность» действия, ситуации (поэтому термины *совершенный* и *несовершенный* полностью оправданны с точки зрения их мотивированности). Но что именно «завершено», закончено? «Закончилась» исходная ситуация, может быть завершена, если она есть, «медиальная» С, но конечная С является такой же «незавершенной», как и С, обозначаемая НСВ (Он *приехал* – конечная С ‘Он здесь’ не закончена и длится). В определении С В как обо-

значающего действие, достигшее результата, также «скрыта» информация о сменяющих друг друга С: на первом этапе есть действие, но нет результата, на втором – есть результат. (Но, разумеется, это определение относится только к части глаголов СВ – к глаголам «результативного» способа действия.) Столь же верно и то, что в значение каждого глагола СВ входит компонент 'начать' [Wierzbicka 1967: 2245; Гловинская 1982] (последнее определение стало особенно популярно в последнее время в отечественной русистике в формулировке 'возникновение нового состояния'). СВ обозначает «соединение», смену, «стык» ситуаций, и слова *начало* и *конец* обозначают с разных сторон этот «стык». При этом иногда (это зависит от типа глагола) удобнее говорить в терминах начала, а иногда в терминах конца, а иногда, и очень часто, особенно в случае сложных событий, – в терминах целостного действия – начало, середина и конец вместе [Шелякин 2008: 62]: *Он побывал в Англии; Он поспал немного; Иван моргнул / подскочил на стуле; Иван поцеловал Машу* и т. д. – говорить здесь о начале или конце чего-то не очень естественно. *Иван ударил Петра* – какая здесь новая ситуация? Иван «ударен»?

Наиболее общим и поэтому наиболее адекватным (хотя и наиболее туманным – впрочем, этим оно также и хорошо) является определение СВ как содержащего указание на ограничение действия пределом (и НСВ – как не содержащего такого указания) [Виноградов 1947: 497–498]. Это опреде-

ление, в силу своей обобщенности, поднимается над различием «начала» и «конца». Это определение также соответствует приведенному выше описанию инварианта СВ и НД значения НСВ. Как границей, «пределом» реки является берег, так границей одного состояния может быть только другое состояние, предшествующее ему (и образующее тем самым его начальную границу) или следующее за ним (и задающее тем самым его конечный «предел»):

$$___\underline{C_1}\,|\,\underline{C_2}\,|\,\underline{C_3}___ \rightarrow \text{Время}$$

Если нет смены состояний, ситуаций, то нет и границы, нет и предела. Поэтому в каком-то смысле сказать, что НСВ обозначает «одно и то же» положение вещей, и сказать, что НСВ не содержит указания на ограничение действия пределом (аналогично – в отношении СВ) – значит, в сущности, сказать одно и то же. НСВ не может указывать на предел, границу С, поскольку в этом случае он сообщал бы и о другой, предшествующей или последующей С, а это противоречит его инварианту (обозначение «одного и того же») и является прерогативой СВ

5. Вид как интерпретирующая категория. Как было отмечено выше, вид – категория объективно-субъективная. Иными словами, употребление того или иного вида зависит не только от свойств объективной действительности, но и от

ее интерпретации говорящим субъектом. Во многих случаях выбор вида предопределен объективными свойствами описываемого «пространственно-временного фрагмента». Так, фрагмент 'X жив – X мертв' вряд ли может быть интерпретирован иначе, чем смена ситуаций, и, соответственно, может быть описан только глаголом СВ: *Хумер.* В других случаях, однако, один и тот же фрагмент может быть интерпретирован по-разному. Действительность постоянно изменяется и всякое «то же» о каком-либо состоянии, длящемся во времени, всегда продукт большей или меньшей абстракции, отвлечения от изменений. Соответственно, при одном взгляде, при одной интерпретации мы имеем дело с «одним и тем же» положением вещей, при другом – с разными последовательными состояниями. В этих случаях может быть употреблен и СВ, и НСВ, но с разной интерпретацией, с разным представлением ситуации. Так, предложения *Он продолжил дело отца* и *Он продолжает дело отца* могут описывать в точности один и тот же денотативный фрагмент. Употребляющий СВ рассматривает данный фрагмент как состоящий из двух последовательных (и, стало быть, разных) С: 'Его отец делал это дело – Он делает это дело'. НСВ отражает понимание этого фрагмента как «одного и того же» на всем его протяжении: 'Дело делалось и делается'. Заметим, что *продолжил* выше не предполагает никакого перерыва в деятельности. Однако такой перерыв обязательно предполагается в *Он продолжил играть на рояле.* Дело в том, что в первом случае ситуации и

без перерыва легко могут быть осмыслены как разные вследствие различия актантов. Во втором случае актант один и тот же, поэтому если не было перерыва, то нет смены разных ситуаций, и СВ употреблен быть не может.

Яркий пример различий в интерпретации – глаголы движения. *X идет* понимается как одно и то же длящееся «положение вещей» только в результате того, что мы отвлекаемся от того факта, что в каждый последующий момент положение X-а другое. Но если мы сфокусируем внимание на этом, на том, что это «история», цепочка последовательных разных С, то получим различные глаголы СВ (в зависимости от того, какие пространственные ориентиры выбираются, и их места в «истории» движения): *X прошел 5 м / 3 км* и т. д. = 'X находится в некотором (конкретно не определенном) пункте Y→X идет → X находится в некотором (конкретно не определенном) пункте Z, расстояние от Y до Z = 5 м / 3 км'; *X подошел к дереву* = 'X не находился около дерева → X шел → X находится около дерева'; *X прошел мимо дерева* – более сложная «история», которая, однако, легко может быть описана аналогичным образом; и т. д. [ср. Кошелев 1988: 46].

Далее, само течение времени есть в определенном смысле тоже изменение, поэтому в каком-то смысле если время другое, то и ситуация уже другая, хотя остальное может остаться и без изменений. Отсюда СВ в предложениях *Прошло три года* (='$t_1 \rightarrow t_2$; $t_2 \rightarrow t_1$ = 3 года'), *Он проспал три часа* ='Прошло три часа, и все это время он спал' и т. д. Но поскольку

от изменений во времени отвлечься легче всего, те же ситуации могут быть интерпретированы как «одно и то же» и, соответственно, описаны НСВ: *Идет уже четвертый год с того момента, как…; Он спал три часа;* и т. д.

Ярчайшим примером роли интерпретации в употреблении видов является семантическое соотношение в видовых парах *кончается – кончилась, поворачивает – повернула, обрывается – оборвалась* и т. п. в предложениях типа *Дорога кончается / кончилась у леса; Тропинка поворачивает / повернула около сторожки* и т. д., проанализированные Ю. Д. Апресяном [1980: 9; см. также Гловинская 1982: 96]. Денотативное значение предложений с СВ и НСВ в этих случаях почти одинаково. Разница, отмечает Ю. Д. Апресян, заключается в том, что форма СВ не только описывает расположение пространственного объекта, но содержит помимо этого указание на перемещавшегося наблюдателя, глазами которого как бы и воспринимается данный факт [1980: 9]. Но откуда в значении СВ взялся этот «как бы» наблюдатель? Представление о нем «наводится», имплицируется инвариантом СВ, обозначающего «историю», последовательную цепочку ситуаций. СВ может быть употреблен только в том случае, если имеет место такая «история», поэтому значение предложения *Дорога кончилась…* может быть интерпретировано только как 'Какое-то время дорога есть; начиная с определенного момента дороги нет'. Поскольку фактически дорога в одно и то же время до леса есть, а в лесу нет (это

реальное положение вещей отражает НСВ), СВ может быть оправдан только при наличии ограниченного в своем восприятии движущегося в пространстве (и, разумеется, во времени) наблюдателя, для которого сначала дорога есть, а затем ее нет. Ср. наблюдения китайского лингвиста Чжан Цзяхуа: «… Формы некоторых глаголов прошедшего времени … могут обозначать не только статическую позицию, но и восприятие движущимся человеком объективно статического предмета *(Впереди вдруг поднялись зубчатые стены замка)*. В подобных случаях подчеркивается не результат имевшего место в прошлом действия, а возникновение самого восприятия» [Чжан 1986].

6. Изменение и единичность. При всех различиях и сходствах обсуждавшиеся выше определения инварианта СВ лежали все в одной плоскости – отличия СВ и НСВ искались в характере обозначаемого пространственно-временного «фрагмента» действительности. В работах [Зельдович 2002а; 2002б] акцент при определении инварианта переносится на внешнее по отношению к самому действию различие в количественной характеристике этих фрагментов: в качестве инварианта СВ рассматривается указание на единичность (однократность) обозначаемой ситуации. Безусловно, единичность обозначаемой С – абсолютная или относительная (единичность в каждом случае повторения какого-то повторяющегося множества С) [Зельдович 2002а: 20] – является важнейшим семантическим признаком СВ – в его про-

тивопоставлении НСВ повторяющегося действия / события / процесса. Заметим, однако, что СВ также способен выражать повторяющееся действие, причем изолированное, не входящее ни в какое множество *(Только ястреб иногда пролетит над одинокой* могилой, подробнее см. далее (11, 3)) – хотя это его употребление очевидно производное, первично, прототипически СВ обозначает именно единичное событие. Но главное другое. То, что СВ противопоставлен НСВ (в значении повторяемости) по внешнему параметру единичности (однократности) – множественности (многократности) (количественной аспектуальности [Плунгян 2000: 294]), никак не отменяет вопроса о том, противопоставлены ли СВ и НСВ по внутреннему для ситуаций параметру различий в «характере протекания» действия во времени, как это традиционно называется (линейной аспектуальности [там же]), и если противопоставлены, то каким именно образом – вопрос, который рассматривался выше. Другой важный вопрос, возникающий в этой связи, это – связана ли каким-либо образом специализация СВ на выражении однократного (единичного) события с его внутренним семантическим устройством? Как представляется, между внутренним устройством СВ и его единичностью есть глубокая связь. Можно сказать, что однократность, единичность – это просто иная «грань», иной аспект, которым поворачивается в противопоставлении НСВ инвариантное (по параметру устройства С) значение СВ. Понятие однократности, единичности, как, впро-

чем, и многократности, может быть приложено только к дискретным сущностям, которые как-то отличаются, отделяются друг от друга. В случае сущностей, разворачивающихся во времени, эта дискретность создается изменением, отличающимся от неизменного «фона», т. е. тем, что начинается и кончается. Ведь в каком-то смысле и неопределенно-длительный НСВ обозначает «одно» – одно и то же, но не «кратное», оно не делится на части, из которых можно было бы выделить «многократное» и «однократное». Поэтому «кратным» (как одно-, так и много-) в области протяженных во времени ситуаций логически может быть только изменение (в смысле СВ, т. е. «свершившееся», начавшееся и закончившееся изменение, = событие), только оно может как повторяться, так и быть единичным.

Иной взгляд на эту проблему представлен в работах Г. М. Зельдовича, по мнению которого единичность шире событийности, значение единичности выражают все глаголы СВ, в то же время есть глаголы СВ «несобытийные» (и поэтому именно единичность, а не изменение и т. п., является подлинным инвариантным признаком СВ). В качестве примеров глаголов, обозначающих единичную ситуацию, но лишенных «событийности» (не включающих идей изменения, начала, конца), Г. М. Зельдович приводит глаголы *повезло, посчастливилось – Ивану посчастливилось жить в Москве* [2002а: 14; 2002б: 32]; к этим глаголам можно было бы прибавить *так вышло / случилось / получилось, что…, выпало*

(в переносном смысле): *Ивану по воле случая выпало жить в Москве /родиться в семье известного писателя* и др. Как представляется, однако, эти глаголы не лишены событийного значения, просто они не обозначают конкретного события (такого, как *приехал, родился, поступил в университет* и т. п.). Такие глаголы указывают, что ситуация, обозначенная зависимой глагольной группой или придаточным предложением, возникла и имеет место в результате какого-то случайного события (или ряда событий), никак его не конкретизируя. Так, то, что Иван живет в Москве, может быть результатом того, что он удачно приобрел квартиру в Москве, или того, что его родители переехали в Москву, и т. д., и т. п., и даже если он настолько коренной москвич, что все поколения его предков жили в Москве с момента ее основания, все равно – ведь могло бы *случиться* так, что кто-то из них *уехал* из Москвы, но этого *события* не *произошло,* так что проживание Ивана в Москве есть следствие и «неслучившихся», отрицательных событий. Ср. пример, где отрицательное каузирующее событие эксплицировано: *Ивану посчастливилось / повезло: он не полетел с командой на игру и поэтому не погиб в авиакатастрофе.*

7. Вид и показатели количества и меры. Как неоднократно отмечалось, глаголы СВ могут сочетаться с показателями количества и меры: *Температура повысилась на 10 градусов; Он несколько поглупел; Он поправился на 5 килограммов / выпил стакан / полстакана воды, съел тарелку /*

полтарелки / две ложки каши; Он пробежал / прошел 3 километра; Петя выдал 5 книг; Завод выплавил 125 тысяч тонн стали; Белье наполовину высохло; Он написал половину / четверть романа и т. д. В то же время НСВ с такими показателями возможен только при наличии особых условий. Так, в случае показателей количества НСВ возможен, если действие происходит одновременно со всеми квалифицированными числительным объектами (Он *нес домой два арбуза)* и невозможен, если действие происходит с этими объектами поочередно (*Он *ест два арбуза; *Он ест две груши* (нормально, если он ест эти груши одновременно, скажем, поочередно откусывая то от одной, то от другой); **Петя выдает 5 книг /ломает три игрушки* [Падучева 1996: 186; Wierzbicka 1967: 2238]. Для объяснения этого феномена предлагается следующее объяснение. НСВ не сочетается с такими определителями (*Он *ест две груши)* по тем же причинам, по которым неправильно: **В этот момент Ян дважды ударял Павла* [Wierzbicka 1967: 2236; Падучева 1996: 184]: для синхронного наблюдателя, предполагаемого значением НСВ, в каждый отдельный момент действием может быть затронут только один объект [Падучева 1996: 184]. В непротяженный «момент», действительно, не может уместиться действие, которое поочередно охватывает разные объекты. Однако *в этот момент* – это отнюдь не то же самое, что время, в которое разворачивается действие НСВ! «Момент» наблюдения для НСВ – это не совсем момент, это

не «точка» (ср. замечание Е. В. Падучевой, что момент речи является включенным показателем времени и ведет себя как точка [1996: 171–172]), поскольку это «момент», движущийся во времени вместе с наблюдателем! Таким образом, это момент и одновременно некоторый неопределенный интервал. Обстоятельство останавливает время, указывает на определенный его пункт, в то время как точка отсчета, момент наблюдения в НСВ все время бежит и бежит вперед. Поэтому мы можем сказать: *Ян бьет Павла* (при этом *бьет* обозначает ряд последовательных ударов); *Ян долго бил Павла; Ян уже долго бьет Павла.* И этот «момент» может проходить последовательно через разные этапы «истории мира», последовательно вовлекающие разные объекты! Человек может есть груши одну за другой в течение долгого времени, и в течение этого времени момент наблюдения (или просто точка отсчета, движущееся настоящее время) проходит поочередно через событие поедания первой груши, затем второй, третьей, десятой и т. д. (так что здесь нет объективной невозможности одновременности с разными последовательными этапами расчлененного события / процесса); повторим, точка отсчета движется во времени и в объективно разные моменты она одновременна с разными составными этапами длительного процесса, поэтому Г может сказать: *Смотри, он уже третий час ест груши!* или просто: *Что он сейчас делает? – Он ест груши* (одну за другой). Далее, НСВ не сочетается в норме не только с показателями опре-

деленного количества, но также с показателями меры: **Он пьет стакан / полстакана воды / кружку молока; *Завод выплавляет 125 тыс. тонн стали; *Он бежит / идет 3 километра* и с кванторами *Он *ест всю кашу / немного каши / все груши.* То же относится к сочетаемости с родительным партитивным (Он *купил / съел хлеба – *покупает / съедает хлеба)* – в силу того, что родительный партитивный скрывает за собой обозначение меры (квантифицированное количество): 'некоторое неопределенное количество' [Падучева 1996: 182–191]. Желательно иметь общее объяснение для всех этих случаев, в силу их очевидной общности: показатели количества – это тоже своего рода кванторы, а кванторы приложимы как к множеству, состоящему из дискретных объектов, так и к частям единого объекта, т. е. это тоже особого рода показатели количества и меры. Такое более общее объяснение предлагается А. Вежбицкой: предложения *Он пил стакан воды; Он ел три груши* «представляются странными, потому что если содержание глагола должно составлять событие, одновременное с некоторой точкой отсчета, это событие должно быть рассмотрено как континуум, как нечто не делимое на различные последовательные части. Показатель числа (меры, количества) в позиции объекта разрушает единство события, разделяет его на последовательные элементы, и, как следствие, порождает семантическое противоречие» [Wierzbicka 1967: 2241]. Однако это объяснение требует уточнения. С одной стороны, стакан во-

ды – это именно континуум и нечто единое; с другой стороны, если человек ест три груши одновременно, то на самом деле он их ест тоже последовательно: откусит от одной, затем от другой, затем от третьей, затем опять от первой и т. д., когда наблюдатель уловит эту закономерность, он может сказать: *Смотри, он ест одновременно три груши!* Поэтому здесь важна не континуальность и не единство объекта как таковые, а одинаковость фаз. Важна не неделимость – не то, что это нечто неделимое (… *ударил* + *ударил* + *ударил* …= *бьет* – делимо!), но нечто не делимое на различные последовательные части. Указание на количество, меру и т. д. сразу делает линию неоднородной, вносится идея изменения (составляющая существо СВ), от которой уже нельзя отвлечься в силу эксплицитности этого показателя. Таким образом, противоречие здесь между неизменностью (предполагаемой НСВ) и изменением, предполагаемым показателем меры, которая фиксирует некоторый результат, некую новую стадию в истории мира. Изменение – неважно, есть оно или только будет, составляет инвариант СВ: *Он съест 4 груши; Он уже два раза поцеловал Машу и поцелует ее еще три раза, так что всего он поцелует ее 5 раз* и т. д. Обстоятельство включает в состав значения предел, после достижения которого наступит новая С / произойдет смена С (было съедено 2 яблока, а будет съедено 4 яблока)[12]. Возникает вопрос: поче-

[12] Характерно, что те же ограничения на сочетаемость с показателями меры и количества и очевидно по тем же причинам имеют место для глаголов делимита-

му же тогда можно сказать: *Он пишет роман / ест яблоко* и т. д., и т. п., где возникновение романа / исчезновение яблока конституирует предел, после достижения которого действие (по крайней мере, с данным объектом) должно закончиться и достижение которого знаменует смену ситуаций? Чтобы объяснить это, напомним, что значение НСВ неопределенно – длительное, в частности, его окончание теряется в тумане и не (пред)определено. Достижение предела в НСВ всегда гипотетично (см. выше!) – такова метафизика несовершенного вида. Эта гипотетичность в толковании может быть изображена пунктиром, которым сменяется сплошная линия реального осуществления действия в момент / период наблюдения:

Иван пишет роман / ест яблоко =‘… – пишет – – роман есть / яблока нет’. Поэтому это не реальный предел реального действия, это гипотеза. Иван может в любой момент прекратить писать роман и есть яблоко, и предел так и останется не достигнутым, не реализованным[13]. Теперь, мера или число не могут быть (точнее могут быть, но при особых условиях, см. далее) гипотетическим пределом, но являются ре-

---

тивного (ограничительного) способа действия: **повыдавал 5 книг* [Мелиг 2006]; **почитал несколько газет, *попил стакан молока* и т. д. – делимитативные глаголы обозначают однородное (гомогенное) действие (процесс) [Мелиг 1995; 2006 и др.].

[13] Ср. толкования глаголов НСВ в работе М. Я. Гловинской: «… если процесс … не прекратится…, то в этот момент начнет существовать Р целиком» [Гловинская 2001: 97].

альным пределом. Субъект *Он *ест 3 яблока / пьет стакан воды* и т. д. не может не достигнуть этого количественного предела, потому что если он съест, скажем, 2 яблока или выпьет полстакана воды, то откуда мы взяли, что ел / ест 3 яблока / пьет стакан воды? Тогда задним числом окажется, что он пил полстакана воды. Значение *Он *ест 3 яблока* можно было бы, скажем, попытаться интерпретировать следующим образом: 'Он ест яблоки, и будет их есть до тех пор, пока не съест 3 яблока'. Заметим, что в толковании появился, вместе с реальным пределом в виде 3-х яблок, и это неизбежно, СВ, и вообще это не то значение, которое выражается русским НСВ; заметим, что такого предсказания – будет писать, пока не напишет; будет есть, пока не съест – нет в значении НСВ выше. Другой, более приемлемый с точки зрения семантики НСВ вариант осмысления – 'Он ест яблоки, имея целью съесть 3 яблока, а съест ли – неизвестно (с метафизической точки зрения, которая здесь как раз очень важна!)'. И вот такое употребление, хотя и с некоторой натяжкой, с точки зрения семантики НСВ возможно [Mehlig 2008: 273–274]. Оно шероховато и непривычно, поскольку обычно никто не ставит перед собой таких странных целей, поэтому так обычно и не говорят. Однако, как было сказано, в некоторых специфических условиях такая интерпретация становится возможной – тогда, когда определенная «мера», определенный количественный предел задан заранее, например обычаем субъекта: скажем, он каждое утро выпивает чашку

кофе или каждое утро пробегает 5 километров. В этом случае можно сказать, хотя это и несколько шероховато: *Иван сейчас пьет свою утреннюю чашку кофе / бежит свои ежедневные 5 километров* [Mehlig 2008: 273–274] – с той же обычной пресуппозицией, что может сегодня и не выпить эту чашку до конца или, подвернув по пути ногу, пробежать 4 километра вместо 5-ти. «Причина этого в том, что … инкрементальный аргумент, вводимый … местоимением *свой,* может быть понят как относящийся к такой ситуации, которая происходит часто, более или менее регулярно. Тем самым «размер» сущностей, обозначаемых инкрементальным дополнением, определен заранее» [Mehlig 2008: 274]. Другой вариант предварительной фиксации количественного объекта имеет место в случае, когда спортсмен бежит дистанцию, длина которой определена заранее условиями соревнования: *Он сейчас бежит 3 километра* (о пятиборце)[14].

8. Вид и определенность / неопределенность объекта действия. Другой неразрывно связанный с семантической спецификой СВ и НД НСВ (и фактически являющийся продолжением рассмотренного выше) вопрос – это вид глагола и определенность или неопределенность его объекта. Употребление СВ во многих случаях предполагает, имплицирует, «наводит» определенность его объекта; при этом опреде-

[14] Аналогичная ситуация в отношении сочетаемости показателей меры с формами продолженных времен – грамматических эквивалентов русского НД НСВ в английском языке, см. об этом в [Mehlig 2008: 274].

ленность вещества или группы предполагает его исчерпанность, = объект включает представление о кванторе общности 'все, весь, целиком'[15]: *Иван съел кашу* = 'всю определенную кашу, какая была'; *Ян накормил детей* – определенных детей (определенную группу детей), = *John has fed THE children* [Wierzbicka 1967: 2242]; *В Грозном убиты организаторы теракта 9 мая* (РИА «Новости», 24.05.2004) – в норме ='все'[16]. Однако в других случаях значения определенности у объекта СВ не возникает: *Ян подарил Марии цветы* – неопределенные цветы [Wierzbicka 1967: 2245].

Итак, какие же глаголы предполагают определенность и исчерпанность объекта? Это глаголы в широком смысле предельные (не обязательно имеющие пару НСВ), т. е. такие, которые обозначают действие, которое должно прекратиться,

---

[15] Ср ситуацию в английском языке, где определенный артикль в сочетании с именем, обозначающим группу, предполагает ее исчерпанность.

[16] Заметим, что особняком здесь стоит слово *каждый,* выражающее дистрибутивную, а не собирательную универсальную референцию, в случае глагола – то, что действие совершается с каждым объектом отдельно, то есть повторяется. Поэтому *каждый* не сочетается с непрерывно-длительным, в том числе и актуально-длительным НСВ, его употребление совместимо только со значением повторяемости: *Суд внимательно разбирает каждую жалобу* (пример из [Падучева 1996: 185–186] – не актуально-длительное, а повторяющееся значение; ср.: *Он *красит каждую дверь; *Он ест каждую грушу,* где действие невозможно осмыслить как повторяющееся. СВ с *каждый* сокращенно обозначает последовательность законченных событий, действие началось, продолжалось и закончилось поочередно с каждым отдельным объектом: *Он пожал руку каждому присутствующему,* где нормально единственное число слова *рука,* поскольку каждому он пожал его руку, и только одну Ср.: 'Он *пожал руку всем присутствующим* .

достигнув предела, поскольку исчерпало себя. (При этом не глаголы, обозначающие создание чего-либо.) Теперь, глагол СВ сам по себе обозначает изменение, переход в новое состояние / прекращение прежнего состояния. При этом, поскольку реально изменения постоянно происходят, мы можем в любой момент зафиксировать эти изменения, указав на изменение, которое произошло (как бы сделать фотоснимок события, остановить движение, прервать его и тем самым – парадоксально – его изобразить, изобразить сдвиг в состоянии мира!). (Это как принцип дополнительности в квантовой физике: когда мы с помощью приборов производим измерение, фиксируем картину, движущаяся непрерывная волна превращается в дискретные частицы! В области отражения движения мира в русском языке действует принцип «языковой дополнительности», при этом антиномии «корпускула – волна» в квантовой физике соответствует антиномия «СВ – НСВ»: корпускула – СВ, волна – НСВ.) Непрерывное континуальное постоянное изменение (НД НСВ) превращается в застывшую картину, изображение изменения$_2$, в изменение$_2$ (СВ). Однако для этого мы должны поставить какой-то ориентир, указать, что именно нового произошло в мире, что было так, а стало этак (не так): *Он съел 2 ложки / несколько ложек / немного каши; Он прошел 10 мет*ров; *Он прошел мимо дерева; Ян написал 3 письма; Ян уже накормил двух детей (из трех)* и т. д. При этом объект в форме родительного падежа имеет значение меры [Па-

дучева 1996: 183], он указывает, что действием «израсходована» некоторая сравнительно небольшая часть объекта: *Он выпил воды = немного воды.* Теперь, а если никакая «мера» не указана? Употребление СВ тем не менее указывает, что достигнут некоторый качественно новый «рубеж», в случае предельных глаголов по умолчанию – что достигнут «предел», после которого действие исчерпывает себя. Раз не указан эксплицитно некий произвольный рубеж, следовательно, действие достигло «естественного (внутреннего) предела», заложенного в семантике глагола и ситуации, контексте, и завершено, и наступило новое состояние. А это как раз и означает, что действием «израсходованы» все объекты из группы, действие завершено со всеми объектами из группы, со всей массой вещества и т. п., больше не осталось («естественный» предел). Но для того, чтобы было возможно помыслить, что вся группа / масса «истрачена» и т. п., она должна быть выделена из континуума, должны быть очерчены ее границы, а это и означает, что такая группа / масса является определенной.

Теперь, *дарить цветы* и т. п. – событие другого типа, оно завершается, предел ему кладется не израсходованием цветов, а передачей цветов, моментом перехода их от Яна к Марии. Поэтому здесь СВ не влечет определенность объекта: *Он подарил Марии цветы* – цветы могут быть как определенные, так и неопределенные при этом если цветы введены в рассмотрение впервые, – неопределенные. В некоторых

случаях событие таково, что предложение может пониматься двояко: *Петя полил цветы* = (1) цветы поливаются одновременно (скажем, они в одном горшке), определенные или неопределенные, предел кладется завершением полива, достижением цели; (2) цветы (скажем, которые растут у Пети на садовом участке) поливаются последовательно: сначала он полил один цветок, затем другой и т. д., полив завершается с исчерпанием всех цветов, когда полит последний цветок – только определенные цветы, = все цветы, которые есть на участке.

Если С В иногда требует определенности, а иногда допускает как определенную, так и неопределенную интерпретацию, то ситуация с НД НСВ является, что неудивительно, противоположной: у НСВ «крен» в сторону неопределенности: в каких-то случаях он требует интерпретировать объект как неопределенный, а в других случаях допускает как неопределенность, так и определенность объекта. Неопределенность требуется в тех случаях, когда действие происходит поочередно с рядом объектов, например: *Петя* (сейчас, актуально) *ест груши,* что означает:…съел грушу + съел грушу + съел грушу + ест грушу… Поскольку НД НСВ требует однородности действия, а груши реально разные (каждая груша как определенная, т. е. уникальная, груша отличается от всякой другой груши), то единственным способом обеспечить эту требуемую значением НСВ однородность – это интерпретировать груши как неопределенные. В таком слу-

чае каждая съедаемая груша рассматривается не в индивидуальном, а родовом аспекте, как представитель класса, а в этом отношении все груши одинаковые.

Глава 2
Семантические типы глаголов СВ (в их соотношении с неопределенно-длительными глаголами НСВ)

1. Описанное выше инвариантное значение по-разному «преломляется» в различных с точки зрения лексической семантики глаголах СВ, давая различные с точки зрения специфики обозначаемых «цепочек» [см. Барентсен 1995] и характера противопоставления соотносительным глаголам НСВ типы СВ. При этом выделение различных типов СВ может происходить по разным основаниям и с разной степенью дробности. Здесь грамматическое (строгое и единое, несмотря на трудности с его определением) значение вида взаимодействует с лексической семантикой, которая бесконечно разнообразна, что дает уже не бесконечное, на порядки меньше, чем в лексике, но в десятки раз больше, чем в чистой грамматике, количество лексико-грамматических типов СВ, при этом деление на все более и более мелкие типы может идти вплоть до выделения отдельных своеобразных в отношении реализации инварианта глаголов. Традиционно в исследованиях по виду проводится разграничение

между глаголами СВ и НСВ, парными по виду, и способами глагольного действия. Мы далее не будем придерживаться этого во многом слишком искусственного разграничения (которое, впрочем, все более и более «подрывается» в связи с включением в рассмотрение как парных глаголов начала действия / состояния [Гловинская 1982; 2001: 116–117; Падучева 1996: 155–156], ограничительных (делимитативных) глаголов и др.). В конце концов, наличие или отсутствие парного (в том или ином смысле НСВ) зависит от и связано с характером значения СВ, а для этого надо рассмотреть все СВ, не выделяя заранее какие-то из них в особую группу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.